

Саша Соколов Филорнит

Arrepentíos ,
советовала невзрачная в чём-то тусклом,
плиссе ли, гофре,
вроде какого-то, что ли, пеплума,
в комнатах появляясь

2

сутулилась, веяла тленом,
а что касается глаз,
то они были очи,
и были они ненастны, скорбели,
посверкивала в них укоризна

3

но дальше, дальше,
не сто ит,
напоминая чувствительный инструмент из отряда струнных,
расстраиваться и замирать в минорных нюансах,
хотя бы уже потому,
что такие нюансы давно заезжены и прожужжали уши,
а главное — не сулят утешенья

4

куда увлекательнее
задуматься о её манере общаться,
вернее, о способе сообщать вам мысли,
передавать их,
короче, насчёт того, что она говорила молча,
что называется, речью не уст, но фибр,
или, как пишут в брошюрах по запредельному,
электричеством чакр,
флюидами кундалини

5

arrepentíos ,
в комнатах возникая и в залах, она говорила,
в залах и комнатах одного музея,
в их анфиладах,
музея, где подвизался тот,
кто всё это тут набрасывает,

точнее, не тут, а там,
в виртуальном континууме

6

а что,
разве тут отсутствуют писчебумажные принадлежности,
нет, присутствуют,
но скольжение по бумаге графита, равно пера,
звук то есть скольжения
с давних пор ему скрежет напоминает зубов,
чем немало печалит

7

к тому же он недолюбливает свой почерк:
ведь тот настолько неординарен,
что всё ещё не удаётся к нему привыкнуть,
привыкнуть, чтобы не обращать на него вниманья
и больше не узнавать себя по нему поминутно,
как по полёту птицу:
а, так вот я, оказывается, какой персонаж

8

конечно, оказывается,
а ты что мыслил,
ты, верно, мыслил, что нет,
что ни в коей мере,
зачем же,
иллюзий питать не надо,
ты именно вот такой
и, прости за упрямую прямоту,
никакой помимо

9

ибо каким ещё
ты можешь быть персонажем,
если твоя латиница смотрит мокрицей,
кириллица — сколопендрой,
однако и та, и эта пытается мимикрировать,
причём как раз под пернатое

10

и не просто,

даже не просто пернатое,
а такое,
которое чуть ли не самых похвальных свойств,
über , что называется, *alles* ,
летающее, на прищур дотошного филорнита,
i. e. . птицелюба,
с поспешностью если не дикого голубя,
то по крайности пустельги, балобана,
с околосоколиной, коллега,
с околосоколиной

11

и рассуждая в том же ключе,
по лицам то есть,
по некоторым, что ли, ролям,
нельзя не заметить, что так получается гармоничней,
поскольку лета
в данной версии клонят не столько к прозе,
сколько к изящной драме,
что, разумеется, замечательно,
ибо причастность к такому искусству,
пусть даже и отвлечённая,
дорогостоящая,
а что же не замечательно

12

очевидно, то,
что в целом те же лета третируют нас достаточно некрасиво,
вы правы,
лета не питают к нам ни малейшего пиетета,
точней, положительно не щадят нас:
морщият и всё такое,
считайте, глумятся,
хотя если вдуматься с их позиции,
то отчего бы и нет,
ибо что им,
не вольные, что ли, они грифоны
или, положим, веталы

13

но ладно глумились бы лишь над плотью,
над плотью куда ни шло,
да и шут с ней,
низменной да постылой,
так нет,
потешаются и над нежной праджней,

ведь это как раз они
наливают сосуд ума зельем смурости

14

и не мудрствуйте боязливо,
не к смерти ли в нём смеркается,
потому что к чему же ещё,
в нём смеркается,
он становится близорук, курослеп
и всё чаще не может чего-то вообразить, припомнить,
чего-то типа каких-то дат,
чьих-то манер и черт,
пусть и некогда ненаглядных

15

и то и дело
мерещатся ему скрипы грядущего катафалка,
куплеты его печального лихача,
и всечасно страдает вопросами,
коих не излечить,
беда,
был, смеётся в народе, ум,
а сделался межеум

16

и по этому казусу —
казусу застарелой пасмури мозговой —
продолжение следует по ролям
и по лицам не очень-то чётким,
а то и не чётким ничуть

17

ничего,
не в чёткости, сударь, счастье,
а в чём же,
а в том,
чтобы не обрывалась сюжетная канитель,
чтобы действие,
увлекая и поучая,
творилось неугомонно и плавно,
и всякого рода условности были почти незаметны

18

почти,
потому что не замечать их совсем
ни за что не получится,
точно так же как никогда не выйдет
от них избавиться, отказаться,
ибо это всё-таки театр

19

а театр,
как известно любой гертруде,
есть именно театр
есть, естественно, театр,
есть несомненно и однозначно театр

20

просим милости,
чувствуйте как у себя или как угодно,
но только не предвкушайте вешалки,
ни вешалки, ни фойе,
ни буфета, ни лож,
ни иной немодной конкретики типа сцены и реквизита

21

их нет:
не нужны,
потому что в данном пространстве
играется не на публику, а исключительно про себя,
тем паче, что публики тоже не требуется

22

счастливчик,
вас угораздило в заведение имени иммануила к,
на театр чистого разума,
вдохновенно молчащий на всю кромешную махашунью

23

покайтесь,
советовала невзрачная в чём-то неброском,
в залах и комнатах появляясь,
покайтесь,
говорила она своим кундалини вам и другим музейным,

что, разумеется, было ничуть не странно

24

о чём вы,
что, в сущности, было не странно,
что кундалини,
следует лишь уточнить, с чьей точки,
на чей, осведомиться по-словенски, *p ogled* ,
или, если угодно, кому не странно

25

должно быть, тому,
кто помимо флюидов улавливал суть явления,
кто понимал,
отчего худошавая та сеньора не изъясняется речью уст,
в чём тут, собственно, дело,
меж тем как дело вообще
было в центре европы

26

иными словами, я понимал, я улавливал,
потому что вполне был для этого чуток, тонок,
а чутки ли были те,
zusammen с которыми вы подвизались,
ваши сотрудники

27

а почему вы спрашиваете,
к чему вам,
уж не сторонник ли вы теории
равенства всех на свете умов и перцепций,
нет-нет, они не улавливали,
утопичность, если образно,
не случилась их чашкой чаю

28

и если вы думаете, будто меня
с теми лицами что-то связывало или сближало,
то ничего подобного,
мы не более чем раскланивались,
и кроме пространства присутствия
общим у нас был лишь краткий момент эпохи

29

которого обстоятельства
до сих пор различаешь так чётко,
особенно те-то и те-то,
те самые,
что последний ссужал тебе до того неявно,
столь исподволь,
что они казались лично твоими

30

так чётко,
что снова делаешься по-хорошему взвинчен, бодр,
горд семейными связями, узами,
узостью будто б ану бисовых запястий, кистей,
широтой натуры,
устройством любимых созвездий,
покроем брюк,
держишь марку, фасонишь,
сыплешь финно-угорскими шутками,
причерноморскими притчами,
насвистываешь монтеверди, верди
цитируешь петипа

31

а насколько отчётливо умозришь обстоятельства места,
вернее, не обстоятельства, а обстановку,
здесь: меблировку тех залов и комнат,
где всё это происходило

32

то вспомнишь всю *furniture* вкуче,
то *piece by piece* ,
начиная с античной
грифельной табулы для служебных помет
и заканчивая табуретом,
что фигурировал на застеклённом балконе,
был прозван тобой табуретом балконного отдохновенья,
и, не в укор иным говоря,
был примерно устойчив, пригож, уклюж,
постоянно готов к услугам
и всей своей позой располагал к ним

33

и к ним прибегали вы не колеблясь и регулярно,
причём в неурочное время,
пусть так,
но учтите нечто смягчающее:
как только я прибегал к ним,
так сразу,
наверное, в силу доброй его энергетики,
сразу способность моя улавливать обострялась,
и всё становилось как-то особенно ясно

34

но отчего это мы всё о мебели да о мебели,
даже скучно,
я, знаете ли, не такой уж завзятый её поклонник,
во всяком случае не такой, как некоторые,
постойте,
да чем же она вам не угодила,
она ведь по преимуществу столь комфортна

35

не спорю,
те мимолётные радости, что сия материя доставляет,
мне чисто по-человечески вовсе не параллельны,
но как не то чтобы гражданина мира
или сугубо дальнего следования,
а просто субъекта, подбитого сквозняком,
меня напрягают её очевидная приземлённость, будничность,
обречённость быту

36

однако смотрите, что получается:
раз имманентны,
я, разумеется, говорю о названных выше свойствах,
раз свойства те мебели имманентны,
а это именно так,
то суть они, в принципе, неизменны и неизбывны,
и ставить их ей на вид, докучать упрёками
верным не полагаю:
подобное умничанье не отвечало бы
интересам здравого смысла

37

словом, довольно, довольно о мебели,
потому что о мебели сказано совершенно достаточно,
во всяком случае тут,
или здесь,
что, возможно, изысканнее

38

как тот самый лу лунь,
чьё второе имя было юнь-янь,
начертал бы тому ли отомо табито,
если бы только знал его адрес:
сравни на досуге:
здесь,
тут

39

и, наверно, добавил бы:
не хворай,
всего тебе самого чудного,
до свидания

40

здравствуй,
ответил бы тот,
расскажу тебе следующее

41

однажды летом,
чаёвничая возле дворцовой купальни,
подле плакучих ив,
мы с императором ненароком залюбовались как ими,
так и повадками такумидори,
свивших гнёзда в их дуплах

42

при этом мы до того прониклись
очарованием и грустью этих деревьев,
что тоже слегка опечалились, уронили руки
и постепенно склонились к мысли,
что *здесь*, вероятно, изысканнее,
нежели *тут*

43

а потом,
четыре луны спустя,
обнаружив, гуляя по парку,
что ивы наши чуть ли не окончательно облетели
и улетели последние такумидори,
мы, не сговариваясь,
склонились к её продолжению и сказали:
да, да, почему-то изысканнее,
но на сколько,
намного ль

44

скорее всего, что нет, не намного,
изысканнее, по сути, лишь несколько,
только слегка,
то есть примерно настолько,
насколько *тут*
отточеннее и утончённей

45

увидимся ли,
какое суровое море нас разделяет,
прощай же

46

прощай,
начертал бы в ответ лу лунь,
чьё второе имя было юнь-янь

47

одним словом,
манера невзрачной общаться с помощью кундалини
не удивляла:
недрёманный интуит,
ты улавливал, что она соблюдает обет безмолвия,
обретаясь при этом
в приюте для малоимущих вдов,
чьи мужья
из чужих не пришли палестин,
из каких-нибудь не возвратились походов

48

каких-нибудь вроде тех,
думал ты,
что издавна именовались крестовыми,
и, по мнению историков игр человеческих,
были особенно популярны в эпоху высокого преферанса

49

и думал:
это тогда, в тот завидный отрезок,
всё прошлое без оговорок и целиком
почиталось славным,
а настоящее просветлённым и радостным,
и на пароль: все играют,
вы отзывались взволнованно и не обинуясь:
и все выигрывают

50

а затем как назло
наступила эра мизерного подкидного,
презренного,
но, к несчастью, глобального олуха

51

и тогда достойные, честные игроки огорчились,
познали оторопь и афронт,
а нечестные и дурные обрадовались,
стали жульничать еще пуще,
сделался форменный ералаш,
короли до того поглупели,
что приказали всё низменное возвысить,
а всё высокое низвести

52

и крестовые те походы разжаловали в трефовые,
объявили несправедливыми,
дали волю шестеркам и прочим фоскам
публично куражиться над ветеранами и над памятью тех,
которые, в принципе, возвратились,
но были изгнаны вон,
потому что — не узнаны

53

ибо они являлись в ином обличии,
в виде небесных птах,
и влетали в дома их
и всем видом своим и посвистом
извещали, что это они,
что они вернулись,
но жёны
и даже матери им не верили
и уверяли их, глядя искоса:
вы — не те,
те — не птицы,
и восклицали: *va via*,
кричали: *fuera, shoo*

54

и те улетали и больше не возвращались,
и, поминая их,
говорилось, что пали, мол, смертью довольно доблестных,
но достаточно слаботелых,
или, как выразился летописец,
вельми тщедушных

55

казалось бы, ай да эпитет,
ан нет:
просматривая манускрипт,
венценосный цензор,
когого почитали лучшим стилистом отечества,
сделал на поле помету: *стиль*
и был столь любезен,
что там же представил свой вариант:
пали смертью изящных

56

хвала вам, ваше величество,
ваше речение,
будучи самых галантных свойств,
преобратило собой всю страницу,
оно осияло её тем же светом,
светом, позвольте заметить, подлинной прециозности,
каковым оживило позже названье музея

57

музея имени вас,
музея,
воздвигнутого в вашей столице по вашему указанию и
прожектору,
музея,
в котором стозимья спустя
возникал по утрам созерцатель
и собеседник ваших настенных портретов,
поклонник вашего образа бытия и стиля правления,
мыслил ты, возникая

58

знаток четырёх благородных истин,
и вин,
и табачных изделий,
слегка угловат, эктоморф,
ты прилежный хозяин был пары гнедых,
обретенных зарёю твоей европейскости пылкой,
штиблет из рангуна,
да тройки из мадаполама пиджачной серой,
да пегого,
исполняющего обязанности пальто
архалука из дзауджикау,
а в роли приличного головного убора
муругий был занят берет а ля че
с борнео

59

о, как все они, вероятно,
заждались тебя той весной
в заведении смуглого джентльмена во всём защитном,
старьёвщика
и по совместительству командира целого легиона
стойких гвардии оловянных

60

командовал,
граммофонил марши,
маршировал,
величал себя маршалом,
требовал обращаться к нему по полному имени:
сесе секо нгбенду куку ва за банга,
хотя коллеги и завсегдатаи барахолки
лишь по фамилии звали его фамильярно:

мобуту,
наш славный малый мобуту,
бравый наш старикан

61

зажда лись, но всё-таки дождали сь,
и, примерив,
увидел, что шиты как на тебя,
и решил, что приобретешь их

62

то есть буквально обул, надел,
и они облекли лучшим образом,
выглядели вполне элегантно,
шли,
вызывали чувство приязни,
подумалось, что меж вами, у вас
непреренно случится гармония,
всё получится

63

и, заплатив, приобрёл их,
ликуя, наполнил ими портплед свой,
отшаркался,
зашагал в направлении местожительства,
и это именно в них
возникал ты с тех пор в музее

64

ты возникал в том музее постольку,
поскольку служил в нём,
или, как сказано, подвизался,
в музее ты подвизался изящных,
не правда ли,
правда,
но не искусств, а существ

65

очень много
хранилось в нём разных засушенных организмов,
скелетов, и чучел, и муляжей,
и кем же ты был там

66

ты был там змотритель,
ты наблюдал за порядком в комнате
с упомянутым выше балконом
и видом на горизонт и предместья

67

ты, если угодно,
являлся дежурным по экспозиции,
что в той комнате находилась,
по экспозиции тех,
которые дышат трахеями и подвержены метаморфозу

68

тех самых,
число чьих отрядов
по некоторым сведениям доходит до сорока,
а видов до двух миллионов

69

и тут,
тут нельзя не отметить,
что представители многих видов
весьма вредоносны,
и с ними ведётся борьба,
но число их всё возрастает,
число же видов полезных, наоборот, сокращается:
подлинный парадокс

70

а обратили ли вы внимание,
до чего по-разному
выглядят собранные здесь особи,
верно, подчас даже слишком,
но потому, что у каждой
тело разделено на голову, грудь и брюшко,
и количество ног у всякой
неукоснительно составляет шесть,
и почти любая располагает крыльями,
все они суть одноклассники

71

sic , дежурным по классу беспозвоночных
типа членистоногих ты подвизался,
смотрителем комнаты насекомых
ты был там

72

и что примечательно:
что смотритель той комнаты был ты по долгу службы,
когда же вышагивал на балкон
и садился на табурет балконного отдохновения,
и подолгу глядел сквозь фрагменты полупрозрачного витража,
то тогда совершенно непринуждённо
смотрителем также в пространство ты становился

73

которое виделось разноцветным, радужным,
но нередко
простором сплошных утрат да печалей мнилось

74

и все они
в виде тревожных, трепетных в нём пребывали птиц,
и если ты привязался к нему, как к брату по бесконечному
ныне,
по вечному тут ли, здесь,
то что же в том удивительного

75

так взгляни же,
сколь многое в данной точке
сбылось, и совпало, и перепуталось:
той порой как европа,
покачивая на стыках излишками дряблых щёк,
катилась обратно, в *асте* ,
и в курзалах и парках
опять заиграли вальсы и в рокамболь,
твои лучшие чувства,
включая чувство изящного,
ярче делались и острей,
и пернатые всё милей тебе,
всё заветнее становились

76

какое приятное превращение:
если на первых музейных порах
птицелюб ты пока ещё несерьёзный,
то несколько позже — почти серьёзный,
после чего — серьёзный в известной мере,
дальше — довольно, довольно-таки,
затем — вполне и неоспоримо,
и вот перед нами уж птицелюб совершенный, полный,
и пристальный, разумеется, птицеврец

77

что же до отношений с пространством,
то, мысля его хоть немного приветить, ободрить,
ты время от времени то воздушный
в уме ему посылал поцелуй,
то воображаемую адресовал улыбку,
то воображаемый реверанс

78

и за эти незримые знаки участия
оно оказывало тебе упоительную открытость,
и взгляд твой при виде её становился равно распахнут,
распахнут и неподвижен,
распахнут и элегичен:
так смотрят в сценах прощания,
в эпизодах прощенья

79

причём посетители были столь деликатны,
что ни вопросами,
ни пожеланиями доброго чего-либо,
ни звуками своих инфлюэнц и простуд
вашим свиданиям не мешали

80

только невзрачная,
по воскресным являясь дням,
кундалинила нудно:
покайтесь, не пожалеете,
ибо это, наверное, вы,

лично вы умертвили всех этих изящных

81

музейно благовоспитан,
ты возражал сообразно случаю:
молча и на хорошем кастильском,
который учил когда-то в лицее
с латинским уклоном

82

сеньора,
молчал ты учтиво,
позвольте заверить, что к истреблению существ,
чьи останки представлены в этой кунсткамере,
отношения не имею,
существ умерщвляют люди особого склада:
учёные, специалисты

83

а я —
вы же видите, кто я:
обыкновенный блюститель,
что, право же, как-то ни с чем не вяжется
и вообще нелепо,
ведь ваш покорный порядочно одарён,
у него призвание созерцать пернатых,
сочувствовать, сопереживать им,
верить в высокое и загадочное их назначение,
наконец, просто-напросто восхищаться ими

84

он, с позволения сформулировать,
прирождённый, истинный филорнит,
прозябающий в насекомой комнате,
экая грустная контрадикция,
согласитесь

85

не предавайтесь унынию,
улавливал ты беззвучный ответ,
потому что те насекомые, что крылаты,
разве они по-своему суть не птицы

86

по-своему несомненно, сеньора,
тогда ты внушал ей,
по-своему суть, безусловно,
примите мои уверенья

87

приняв,
из музея она удалялась,
и статью, и поступью,
и надменной усмешкой напоминая ту,
которую гондольеры адриатических вод
столь умело воспели в одном из своих эротических ариозо

88

la-la-la-la , мол,
la-la-la-la ,
ragazza piccola mia

89

мы говорим, разумеется,
про болотную венецианскую выпь
botaurus stellaris ,
сравнительно небольшую, понурую,
но при этом весьма грациозную цаплю,
чьё сизое оперение отликает лиловым

90

а помните, друг мой,
как в свете набережного фонаря,
карнавального фейерверка,
факела,
или, допустим, бакена
переливается на стопах её чешуя

91

а точнее, не как, а чем,
не перламутром ли,
а, скорее, не перламутром,

а, скажем, каким-нибудь турмалином

92

а что,
отчего бы и нет,
почему,
если что-то там где-то переливается,
то обязательно перламутром

93

нисколько не обязательно,
мысль —
птица, летающая сама по себе,
турмалином так турмалином

94

а если всё-таки перламутром,
то ничего не поделаешь,
так и мысли:
вот, перламутром

95

вполне логично,
однако в данные воспоминания вкралась оплошность:
касаясь источников света,
вы не включили в их перечень
спичку нашего чичероне,
смурного курилки с острова святого микеле

96

он чиркнул ею, едва отчалив,
отчалил — и чиркнул,
и чешуя на стопах у той,
что стояла на стрелке,
стала поблескивать и переливаться,
и, вылитый челентано,
наш чичероне начал прикуривать,
чиркнул — и начал

97

короче, включите, включите,
ведь спичка, горящая в темноте,
это невероятно изящно,
не говоря, что типично,
и без неё в нашем беглом пейзаже
нам будет чего-то заметно не хватать,
очевидно, её же,
её и будет

98

иначе речь,
как-то вечером,
высадив нас у дверей трактира,
он получил свой оболос и сразу отчалил,
отчалил и тотчас чиркнул

99

и всё то мгновение, пока он прикуривал,
чешуя на плюснах у цапли
поблескивала и переливалась,
и, прикурив,
наш челентано сказал нам негромко:
ciao ,
и мы отвечали почтительно:
arrivederci .